

Анатолий ЛЕОНОВ

Тейне.
Двойная игра

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Анатолий Олегович.

Л47   Гейне. Двойная игра / Анатолий Леонов. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Офицерская честь).

ISBN 978-5-04-242367-3

На основе реальных событий.

В январе 1942 года советский разведчик Александр Демьянов (псевдоним Гейне) под видом перебежчика переходит через линию фронта на сторону немцев. Так начинается спецоперация НКВД «Монастырь». Согласно плану командования, Демьянов должен выступить как представитель подпольной монархической организации «Престол», которая предлагает абверу свои услуги в борьбе с большевиками. Немцы жестоко проверяют Александра. Но он проходит все испытания, получает кодовое имя германского агента, радиопередатчик и забрасывается в советский тыл. Фиктивная организация «Престол» приступает к работе, а для Гейне начинается долгая и опасная радиоигра, которая в скором времени изменит ход всей войны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242367-3

© Леонов А., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Этот роман, как и все
предыдущие и все будущие,
посвящен моей единственной
и неповторимой, моей жене!*

Глава первая

Четверг. 15 января 1942 года.

Окраина Можайска. Деревня Чертаново

Снежная буря, бесновавшаяся всю ночь, с первыми лучами солнца быстро сошла на нет. Это событие, при других обстоятельствах положительное и бесспорно весьма приятное, в данном случае ни к какой радости не располагало. Казалось, что даже небо вдруг застыло и насмерть примерзло к горизонту. Вслед за метелью пришла звенящая тишина. Медленно и неотвратно наползала она со стороны леса, обжигая хрустальным жалом арктического холода. Тишина была почти абсолютной — и оттого пугающей до жути. Обескураженные и деморализованные последними неудачами на фронте, вчера еще наглые и воинственные солдаты вермахта мгновенно открыли в себе черты убежденных пацифистов, проклиная в частных разговорах бессмысленную войну, дикую Россию и военное начальство, не обеспечившее их зимним обмундированием. Чем сильнее трещала от мороза их шкура, тем пессимистичней становились их мысли относительно

своего будущего. А между тем ртутный столбик термометра, висевшего на стене операционного корпуса мобильного полевого лазарета, опустился до минус 42 градусов Цельсия. Шел 208-й день войны.

В большом, по-немецки добротном блиндаже командира 3-го батальона 88-го гренадерского полка 15-й пехотной дивизии вермахта майора Отто Лауденбаха было тепло, уютно и возбуждающе пахло хорошим утренним кофе. Масляный фонарь под потолком. По-военному аскетичная, однако не лишенная определенно-го уюта обстановка офицерского жилища. Для лучшего освещения и на случай самообороны в одной из боковых стен блиндажа было прорублено окно, на 2/3 прикрытое земляным валом, оставлявшим сверху «амбразуру» для ведения огня. К оконной раме был прислонен ручной пулемет МG-34 с цилиндрической коробкой на 50 патронов, а на гвоздике рядом с шинелью майора висел в кобуре офицерский «Вальтер». В остальном же убранство помещения выглядело вполне мирным.

Пышущая жаром железная печь с крючками для подвешивания котелков. Грубо сколоченный стол и такая же скамья. Нехитрое обустройство комнаты дополняли: резная этажерка с патефоном и дюжиной пластинок в пожелтевших от времени бумажных конвертах и кухонный шкафчик, наполненный разнообразной посудой, подобранной на пепелищах окрестных сел. Вместо обычных в полевых условиях двухъярусных нар в углу стояла односпальная металлическая кровать с продавленной панцирной сеткой, поверх которой лежали сразу три ватных матраса, покрытых ржавыми разводами, и аккуратно вчетверо сложенное верблюжье одеяло грязно-синего цвета.

Хозяин блиндажа сидел на лавке, опершись локтями о край стола, и блаженно вдыхал пьянящий аромат любимого каждым истинным немцем напитка. Это был настоящий Lavazza, с итальянского черного рынка. В Германии такой кофе достать было почти невозможно.

Гость Лауденбаха, адъютант командира полка капитан Вендт, сидел на кровати и беспечно наблюдал за отработанными до монотонности движениями батальонного ординарца обер-фельдфебеля Германа Линдера, разливавшего дымящийся в кастрюльке кофе по жестяным армейским кружкам. Закончив, франтоватый обер-фельдфебель щелкнул каблуками начищенных до зеркального блеска сапог и молча вышел в соседнюю комнату, отделенную от командирской парой сцепленных между собой плащ-палаток.

— Угощайтесь, капитан!

Майор сделал гостю приглашительный жест.

— С удовольствием! — ответил тот, беря горячую кружку обеими руками, желая согреть замерзшие на морозе пальцы. — Как нельзя кстати, дорогой Отто, — добавил он, осторожно отхлебывая маленькими глотками, — на улице дьявольский холод, а местные утверждают, что будет только хуже! Пугают? Что вы об этом думаете, майор?

Вместо ответа Лауденбах подошел к шифоньеру, нашел нужную пластинку и резкими движениями завел патефон. Помещение наполнилось ритмичным свингом «Бравур-оркестра» Ганса Бунда. Слащавый и звучный тенор солиста Руди Шурике исполнял популярный в рейхе шлягер «Георгин». Убедившись, что теперь разговор будет сложно подслушать, майор вернулся на прежнее место.

— Нет, дорогой Вольф, — произнес он вполголоса, — надо честно признать, что русская погода может стать одним из главных факторов, который не позволит нам в самом ближайшем времени выиграть эту чертову войну. В России против нас, немцев, восстала сама природа! Летом тут невозможно воевать из-за жары и пыли, осенью — по причине распутицы, а зимой стоят арктические морозы! Часовых приходится менять каждые 10–15 минут. Оружие замерзает, моторы не запускаются. Башни у танков не проворачиваются... Гнусная страна!

— Ваши слова, Отто, только подтверждают мнение полковника фон Цангена, — поддержал разговор слегка разомлевший от тепла капитан. — Он утверждает, что причины наших неудач под Москвой исключительно в географии!

— То есть? — поперхнулся горячим кофе майор Лауденбах.

— В Берлине просто не представляли себе, что Россия такая огромная и дикая. Как результат — мы не успели выиграть компанию до морозов!

Майор бросил удивленный взгляд на собеседника, словно проверяя, не шутит ли тот, заявляя подобное, но, поняв, что капитан говорит совершенно серьезно, раздраженно пожал плечами.

— Вы знаете, Вольф, как я уважаю нашего командира, — произнес он, мрачно разглядывая кофейную гущу на дне кружки, — но хотелось бы узнать, как теория полковника объясняет беспорядок в руководстве вермахта, когда половина численного состава вверенного ему полка страдает от обморожений, из Берлина вместо теплой одежды шлют поезда с французским вином, которое от мороза еще в Бресте пре-

вратилось в куски красного льда? В конце концов, из той же Франции вместо вина могли бы прислать коньяк. Хоть какой-то смысл. Солдаты могли бы ненадолго согреться! А так...

Майор обреченно махнул свободной рукой и резко поставил пустую кружку на край стола. Кружка подскочила вверх, как мина-лягушка, и дребезжа свалилась на пол, запачкав струганные доски остатками кофе.

— Разделяю ваше возмущение, майор! — тихо произнес капитан Вендт, дружески потрепав по плечу своего собеседника, и добавил еще тише: — Я вообще считаю, что любого интенданта после года службы смело можно ставить к стенке...

При его последних словах музыка закончилась, и за занавеской послышались голоса людей, явно о чем-то спорящих. Спустя короткое время спор прекратился, и в комнате тут же возник обер-фельдфебель Линдер с докладом.

— Разрешите, господин майор? — трескуче щелкнул он каблуками.

— Разрешаю! — кивнул Лауденбах.

— Осмелюсь доложить, там фельдфебель Голлас из 6-й роты какого-то русского приволок. Говорит, шел на лыжах по минному полю, как Христос по воде!

— Диверсант?

— Перебежчик.

— Военный?

— Никак нет, гражданский.

— Интересно! — Лауденбах удивленно поднял брови. — А по какому минному полю бежал? Нашему или противника?

— Русскому, господин майор.

— Предатель, да еще и кретин! — презрительно поморщился Лауденбах. — Ладно, посмотрим, что за гусь?

Линдер выглянул за занавеску и с задором произнес:
— Йозеф, тащи сюда своего «инженера»!

Здоровый, как симментальский бык, фельдфебель в белом маскхалате с расстегнутым воротом, через который виднелся висящий на шейной ленте Рыцарский крест, едва не сорвал перегородку из плащ-палаток, неуклюже протискиваясь в низкий и узкий проем между помещениями блиндажа. Перед собой он толкал долгового и сутулого человека, одетого по-городскому, что никак не предполагало за собой лыжной прогулки в утреннем лесу. По задержанному было видно, что он сильно подавлен и растерян. Очевидно, он предполагал иную встречу с цивилизованным и культурным народом, планируя свой побег за линию фронта.

Майор Лауденбах бросил на перебежчика высокомерный взгляд и огорошил его по-солдатски простым вопросом в лоб на неплохом русском языке:

— Кто вы такой и почему решили предать родину в тот момент, когда ваши соплеменники храбро бьются с доблестными войсками вермахта?

Русский протестующе замотал головой и поспешно ответил на отличном берлинском диалекте:

— Я не военный. Сражаться — не мое дело!

— А предавать? — последовал желчный вопрос.

— Я не предатель, — довольно резко возразил задержанный, болезненно поморщившись, — меня зовут Александр Демьянов, я потомственный дворянин и убежденный монархист. Можете проверить, господин майор. Меня хорошо знают в Берлине.

— Допустим, — сухо ответил Лауденбах. — В таком случае зачем вы здесь? Какова ваша цель?

— Я курьер монархической организации «Престол». Наша организация давно борется с большевиками и желает сотрудничать с Великой Германией.

Майор Лауденбах выглядел уставшим и безразличным.

— Во имя чего? — спросил он равнодушно.

— Во имя возрождения России! — Глаза Демьянова блеснули огнем.

Ни слова, ни особый блеск в глазах перебежчика никак не тронули очерствевшее сердце солдата. Лауденбах пожал плечами:

— Это бессмысленно. Никакой России после нашей победы не будет. Никогда!

Демьянов молчал, растерянно переступая с ноги на ногу. Неизвестно, чем бы закончился для него этот так неудачно начавшийся разговор, если бы не капитан Вендт. В отличие от майора, адъютант полковника Густава фон Цангена проявил к перебежчику живой интерес.

— Напрасно, Отто, — покачал он головой. — Этим человеком наверняка заинтересуются в штабе корпуса!

Капитан радушно усадил Демьянова за стол рядом с собой, налил ему остатки кофе и начал расспрашивать о том, откуда перебежчик так хорошо знает немецкий язык и что это за организация — «Престол».

Лауденбах демонстративно встал из-за стола, всем своим видом показывая, что не желает сидеть рядом с предателем, даже если это предатель твоего врага. Майор свято чтит кодекс чести, завещанный ему двенадцатью поколениями благородных швабских предков. Он подошел к здоровяку фельдфебелю, все это время

бесцельно стоявшему посередине блиндажа, и спросил, слегка понизив голос:

— Каким образом русский мог перейти минное поле?

— Чудом, господин майор! — Голлас пожал плечами. — Мы проверили. Проходов не было!

— А лыжи? — не унимался командир батальона.

— Проверили сразу после задержания, — скривил губы в подобие улыбки суровый фельдфебель, — обычные лыжи. Не армейские...

Майор задумался.

— Идите, фельдфебель. Вы свободны, — он похлопал унтера по плечу.

Йозеф Голлас отдал честь, неловко стукнул пятисантиметровыми деревянными подошвами войлочных караульных бот и, сотрясая пол своим тяжелым весом, вышел из блиндажа. Майор Лауденбах вернулся к столу и некоторое время молча смотрел на Демьянова. В ответ Демьянов и капитан Вендт прекратили разговор, устремив свои взоры на майора. После весьма затянувшейся паузы разговор продолжился:

— Лично для меня, любезный, вы — обычный предатель, — с тевтонской прямоотой заявил Лауденбах, спесиво выпятив нижнюю губу. — А лучшее, чего заслуживает предатель, — это пуля в лоб. Но поскольку идет война, то любой враг врага автоматически становится союзником.

Майор рукой поманил ординарца.

— Я вас не расстреляю, — великодушно сообщил он Демьянову, — это нецелесообразно. А кроме того, вам чудесным образом везет. Видимо, то, зачем вы здесь, угодно высшим силам, а я не настолько глуп, чтобы вставать на пути божественного провидения!

Майор повернулся к терпеливо ожидавшему его приказу обер-фельдфебелю Линдеру.

— Вот что, Герман, посадите этого счастливику на гауптвахту. Завтра его отвезут в Гжатск. Это не наше дело. Это дело абвера. Пусть они и решают.

Гауптвахта представляла собой хозяйственный блиндаж в тылу батальона, пристроенный к стене лазарета. Скучное тепло проникало в него через щели в бревнах, кроме того, внутри находился ворох какой-то рваной и грязной рухляди, сваленной по углам, в которой с трудом узнавались шинели, кители и галифе. Большая часть из них была прошита пулями и окровавлена. Видимо, вещи эти сюда приносили санитары из лазарета, сняв окровавленные ошметки с тел раненых и скончавшихся солдат.

Обер-фельдфебель Линдер толкнул Демьянова в спину прикладом карабина.

— Давай, «инженер», обживайся! Доживешь до утра, поедешь в Гжатск. Там условия получше будут!

Линдер захлопнул дверь, и наступила зловещая полумгла. Пленник похлопал себя по карману пальто и достал зажигалку, почему-то не изъятую у него при обыске. Непослушными, замерзшими пальцами он долго крутил колесико, высекая искры. Наконец, слабый огонек осветил мрачное помещение и слегка согрел руки. Осмотр гауптвахты был недолгим. Сразу выяснилось, что единственным шансом спастись от адского мороза и дожить до утра была та самая куча грязного армейского белья.

Выбора у Демьянова не оставалось, благо излишней впечатлительностью он не страдал, поэтому, соорудив более или менее удобную берлогу, он закопался в нее с головой. Несмотря на то что время на часах едва

перевалило за полдень, ничего лучше сна он придумать не мог. Устраиваясь поудобнее, Демьянов вдруг подумал, что осенью 39-го в германском посольстве прием был куда теплее, да и немцы были намного приветливей нынешних солдафонов!

Глава вторая

*Москва. Воскресенье.
4 октября 1939 года*

Вечером у бывшего особняка Гавриила Тарасова на Спиридоновке, где с недавних пор обосновалось германское посольство, было многолюдно. К дому то и дело подъезжали городские такси и извозчики-лихачи на покрытых блестящим лаком колясках с шинами-дутиками. Иностранные авто перемежывались с машинами из ведомственных гаражей. ГАЗы и ЗИСы соседствовали с «ситроенами», «кордами» и «мерседесами». Из них выходили ослепительные дамы в драгоценных мехах, которых сопровождали элегантные мужчины, одетые по последней парижской моде. Все они спешили на прием, устроенный для московской богемы по случаю наступившего в рейхе Erntedankfest, или «Праздника урожая», — одного из главных национальных торжеств, отмечавшихся немцами с особой пышностью.

Зайдя со стороны Большого Патриаршего переуллка, переименованного к тому времени в Большой Пионерский, Демьянов, показав охране приглашение, прошел через великолепную «античную» колоннаду проездного двора и, почти бегом поднявшись по ступеням парадной лестницы, оказался в холле первого этажа. Все двери

были распахнуты настежь. В музыкальном салоне знаменитый джаз-оркестр Александра Цфасмана исполнял популярный шлягер «Аллилуйя», в большой гостиной танцевали пары, а в парадной столовой звенели приборы и гудели людские голоса.

Демьянов не вошел ни в одни из этих гостеприимно распахнутых дверей. Вместо этого он отправился в малую гостиную, превращенную работниками посольства в библиотеку-читальню. В зале, без всякой меры увешанном нацистскими флагами и портретами вождей, собственно самих книг было немного. Всего несколько шкафов и полок, да и там едва ли не половина пространства была отдана под мраморные и терракотовые бюсты фюрера различных цветов и размеров.

Читателей в библиотеке не было. Лишь один человек в дальнем углу зала сидел за столом и что-то считал на трескучем арифмометре, записывая результаты в большой гроссбух. Господин Ламла, по прозвищу Канцлер. Начальник хозяйственного отдела и секретариата посольства. Он командовал множеством служащих секретариата и архива, технических секретарей, машинисток и стенографисток, радистов и водителей, представителей службы безопасности и прочими немецкими и советскими работниками. Без него сложный экономический и технический аппарат посольства был бы обречен.

Но главное достоинство господина Ламла заключалось в умении обделывать дела сомнительного свойства, которые могли бы вызвать дипломатические осложнения, но благодаря его ловкости всегда сходили ему с рук. Ламла организовывал строго запрещенный советскими законами нелегальный ввоз из-за границы советских денег.